

летнего возраста приобрел дееспособность, обязанность родителей, усыновителей, попечителя либо соответствующего учреждения по возмещению вреда, причиненного таким несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет, прекращается (п. 3 ст. 943 ГК).

Исключением из общего правила будет являться эмансипация несовершеннолетнего, основания приобретения которой определены в ст.26 ГК. Эмансипированные несовершеннолетние самостоятельно несут ответственность за свои действия, даже если им нет 18 лет, и при этом родители (лица, их заменяющие) не отвечают по их обязательствам. Кроме того, несовершеннолетние лица, вступившие в брак, так же приобретают полную дееспособность, включая и деликтоспособность.

Таким образом, рассмотрев вопрос об особенностях деликтоспособности несовершеннолетних лиц, можно прийти к выводу, что объем ответственности напрямую зависит от объема предоставленных несовершеннолетним прав, а также от возрастного и психологического критериев самого субъекта гражданских правоотношений. Малолетние в силу своего возраста, не несут никакой ответственности за причиненный ими вред, но эта обязанность возлагается на те лица, которые в соответствии с законодательством являются их законными представителями. В свою очередь, несовершеннолетние лица в возрасте от 14 до 18 лет являются деликтоспособными, но лишь тогда, когда они имеют достаточно средств для возмещения причиненного ими вреда. В противном случае эта обязанность перекладывается на их законных представителей, которые несут субсидиарную ответственность и должны полностью или частично возместить ущерб.

Список литературы

1. Виноградова И. В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2006. — 18 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : по состоянию на 29 авг. 2020 г. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. — 656 с.
3. Рузанова Е. В. Деликтоспособность гражданина как элемент гражданской дееспособности: психологические предпосылки и юридическое содержание понятий/ Е. В. Рузанова // [Известия Сам. науч. центра Российской академии наук](#). — 2008. — № 2. — С. 173–177.
4. Сухарева Е. Р. Гражданско–правовая дееспособность и деликтоспособность малолетних и несовершеннолетних / Е. Р. Сухарева // Вест. Вор. ин-та МВД России. — 2016. — № 1. — С. 178–184.

Ань Ци

БГУ им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ)

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Процесс трансформирования примирительных процедур в контексте унификации гражданского процессуального законодательства начался достаточно давно и осуществляется с переменным успехом. Высказанное ранее предложение о

необходимости законодательного закрепления примирения сторон в качестве одной из задач гражданского судопроизводства [5, с. 95] нашло свое отражение в содержании действующей в настоящее время статьи 2 ГПК РФ, действующей в редакции Федерального закона от 26 июля 2019г. №197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9] и закрепляющей среди других задач гражданского судопроизводства задачу способствовать мирному урегулированию споров [3]. Кроме того, названным Федеральным законом были внесены также изменения в сам институт примирительных процедур в российском гражданском судопроизводстве посредством введения новой главы 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», в которой были закреплены такие виды примирительных процедур как переговоры, посредничество, медиация, судебное примирение.

Следует отметить, что за прошедший период с момента принятия Федерального закона от 27 июля 2010г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [8] примирительные процедуры стали применяться все чаще. Так, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года из числа окончанных дел после передачи спора на рассмотрение суда процедура медиации проводилась по 1116 гражданским делам [6], за 6 месяцев 2020 года судами общей юрисдикции из числа окончанных дел проводились примирительные процедуры по 1336 гражданским делам [7]. Вместе с тем, учеными высказываются критические замечания в адрес действующей регламентации примирительных процедур и, в частности, отмечается, что «действующая законодательная модель правовой регламентации примирительных процедур носит фрагментарный характер, содержит лишь краткие упоминания о процедуре медиации и отсылает к «иным» способам примирения, а в качестве последствия реализации примирительных процедур предусматривает только мирное соглашение» [2, с. 45]. Такие критические замечания имеют свою подоплеку, которая подтверждается анализом действующей редакции главы 14.1 ГПК РФ «Примирительные процедуры. Мирное соглашение». Такие недостатки, на наш взгляд, выражаются в следующем:

1. В содержательном плане названная глава ГПК РФ свидетельствует о стремлении законодателя унифицировать нормы гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства, поскольку она практически аналогична содержанию главы 15 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Фактически имеется всего лишь одно отличие, заключающееся в исключении слова «арбитражным». По мнению представителей гражданско-процессуальной доктрины, такой подход не всегда оправдан [1, с. 26].

2. Правовые положения, посвященные процессуальному порядку реализации примирительных процедур, не раскрывают процессуальные аспекты такой реализации. Это выступает предпосылкой для возникновения проблем в правоприменительной практике, поскольку отсутствие детальной регламентации процедуры реализации той или иной процессуальной нормы, существенно осложняет возможность ее применения.

3. Имеет место несовершенство юридической техники, заключающееся в повторях применяемых терминов в разных статьях ГПК РФ. Так, в части 3 статьи 153.8 ГПК РФ закреплено: «Мирное соглашение утверждается судом»; в части 1 статьи 153.10 ГПК РФ также установлено: «Мирное соглашение утверждается судом, ...».

Кроме того, законодатель, вводя такое понятие, как «судебный примиритель» в нормы ГПК РФ, фактически до настоящего времени не закрепил организационно-правовые основы деятельности судебных примирителей, в связи с чем до настоящего времени они не привлекаются судами к участию в примирительных процедурах. В контексте анализируемой проблемы, представляется справедливой точка зрения С.К. Загайновой относительно того, что «существенным препятствием к реализации примирительных процедур в отечественном судопроизводстве выступает так называемая «ментальная сложность», обусловленная тем, что в российском обществе не принято сотрудничать, гораздо привычнее разрешать споры в судебном порядке. При этом автор подчеркивает, что трансформация сознания и ломка традиций довольно длительный процесс, требующий целенаправленного воздействия. Никто не вправе заставить сторону принять решение о передаче спора, в том числе находящегося в производстве суда, для урегулирования в рамках медиации» [4, с.12].

Приведенные обстоятельства подтверждают необходимость дальнейшей разработки научно-обоснованных предложений по решению существующих законодательных и правоприменительных проблем.

Список литературы

1. Абова, Т. А. Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? / Т. А. Абова, В. В. Ярков, Б. Брайг. – Закон. – 2017. – №10. – С. 20–35.
2. Борисова, В. Ф. Примирительные процедуры в условиях электронного правосудия по гражданским делам // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве / Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26–27 апр. 2019 г., Санкт-Петербург. Ч. 1 / Под общ. ред. В. П. Очеретько, А. Н. Кузбагарова, С. Ю. Катуковой / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб. : Астерион, 2019. – С. 44–50.
3. [Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : от 14 нояб. 2002, №138-ФЗ \(ред. от 31 июля 2020\)](#) // СЗ РФ. – 2002. 18. – № 46. – Ст. 4532.
4. Загайнова, С. К. Уральская модель медиации по правовым спорам: практика экспериментального подхода // Актуальные вопросы развития практики медиации: опыт Республики Беларусь и России: материалы междунар. круглого стола, Минск, 19 апр. 2018 г. / БГУ; под ред. О. Н. Здрок. – Минск : БГУ, 2018. – С.11–19.
5. Исаенкова, О. В. Перспективы примирительных процедур после вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 г. №451-ФЗ // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве : Сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф., 26–27 апр. 2019 г., Санкт-Петербург. Ч. 1 / Под общ. ред. В. П. Очеретько, А. Н. Кузбагарова, С. Ю. Катуковой / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб. : Астерион, 2019. – С. 95–101.
6. [Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции](#) // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. – Режим доступа : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>. – Дата доступа : 17.11.2020.

7. [Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции](#) // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за первое полугодие 2020 года. – Режим доступа : [http://www.cdep.ru/ind79&item=5461.](http://www.cdep.ru/ind79&item=5461) - Дата доступа : 17.11.2020.

8. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон, 27 июля. 2010 г., №193 // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон, 26 июля. 2019 г., № 197-ФЗ // Российская газета. – 2019. – № 166 (7924).

Артамонова К.Н.
БГЭУ (Минск)

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ АВТОМОБИЛЬНОГО ПЕРЕВОЗЧИКА ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСОХРАННОСТЬ ОПАСНОГО ГРУЗА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время правовое регулирование автомобильных перевозок грузов является в достаточной степени хорошо регламентированным как на международном, так и на белорусском уровне, что в свою очередь проявляется в наличии значительного числа нормативных правовых актов, регулирующих отношения между сторонами, возникающие при выполнении как международных, так и внутриреспубликанских автомобильных перевозок грузов. Так, основным нормативным актом, который регулирует отношения при осуществлении международных автомобильных перевозках грузов является Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов 1956 года (далее – Конвенция 1956 г.). В белорусском законодательстве внутриреспубликанская перевозка грузов автомобильным транспортном и связанные с ней правовые отношения регламентированы гл. 40 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь), а также Законом Республики Беларусь от 14 августа 2007 г. № 278-З «Об автомобильном транспорте и автомобильных перевозках» (далее – Закон № 278-З) и Постановлением Совета Министров от 30 июня 2008 года № 970 «Об утверждении Правил автомобильных перевозок грузов». Указанные нормативные акты, как международные, так и национальные регулируют порядок осуществления перевозок грузов, закрепляют права и обязанности сторон при выполнении перевозок, однако наиболее актуальным вопросом является объем ответственности автомобильного перевозчика за совершение или невыполнение каких-либо действий.

Стоит обратить внимание на тот факт, что Конвенция 1956г. содержит норму, предусматривающую возможность освобождения автомобильного перевозчика от ответственности за несохранность опасного груза. Так, статья 22 данной конвенции закрепляет обязанность отправителя при передаче перевозчику опасного груза указать